Круглый стол «100-летие со дня рождения академика Александра Александровича Никонова (1918–1995)». Редакция журнала «Крестьяноведение», 5 сентября 2018

В.В. Бакаев, В.М. Баутин, Э.Н. Крылатых, А.М. Никулин, Л.А. Овчинцева, А.В. Петриков, В.Я. Узун, Е.Ю. Фролова, Н.С. Харитонов, Н.Т. Хожаинов

Владимир Вячеславович Бакаев, доктор экономических наук, научный сотрудник ВИАПИ им. А.А. Никонова, отдел земельных отношений. 107078, Москва, Большой Харитоньевский пер., 21, стр. 1. E-mail: viapi@mail.ru

Владимир Моисеевич Баутин, доктор экономических наук, профессор, академик РАН, профессор кафедры управления и сельского консультирования Российского государственного аграрного университета — МСХА им. К.А. Тимирязева, в 2002–2013 гг. — ректор, в 2013–2016 гг. — президент РГАУ — МСХА им. К.А. Тимирязева. 127550, г. Москва, ул. Тимирязевская, 49. E-mail: bautinvm.@gmail.com

Эльмира Николаевна Крылатых, доктор экономических наук, профессор, академик РАН, главный научный сотрудник ВИАПИ им. А.А. Никонова, отдел конъюнктуры аграрных рынков. 107078, Москва, Большой Харитоньевский пер., 21, стр. 1. E-mail: elmira-kr@yandex.ru

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Любовь Александровна Овчинцева, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Отдела устойчивого развития сельских территорий и сельской кооперации Всероссийского института аграрных проблем и информатики им. А.А. Никонова, 105064, Москва, Большой Харитоньевский пер., д. 21, стр. 1. E-mail: lovchintseva@viapi.ru

Александр Васильевич Петриков, доктор экономических наук, профессор, академик РАН, директор Всероссийского института аграрных проблем и информатики им. А.А. Никонова, в 2007–2016 гг. — заместитель министра сельского хозяйства России. 107078, Москва, Большой Харитоньевский пер., 21, стр. 1. E-mail: apetrikov@viapi.ru

Василий Якимович Узун, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра агропродовольственной политики РАНХиГС при Президенте РФ. 119571, Москва, проспект Вернадского 82. E-mail: Uzun@ranepa.ru

Елена Юрьевна Фролова, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ВИАПИ им. А.А. Никонова, отдел конъюнктуры аграрных рынков. 107078, Москва, Большой Харитоньевский пер., 21, стр. 1. E-mail: efrolova@inbox.ru

Николай Степанович Харитонов, кандидат экономических наук, заслуженный преподаватель кафедры агроэкономики Экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. 119992, Москва, Ленинские горы, 1, стр. 46, 3-й учебный корпус. E-mail: nskharitonov@mail.ru

Николай Тихонович Хожаинов, кандидат экономических наук, доцент кафедры агроэкономики Экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносов. 119992, Москва, Ленинские горы, 1, стр. 46, 3-й учебный корпус. E-mail: hozhainovnik@gmail.com

На круглом столе в Центре аграрных исследований РАНХиГС, посвященном 100-летию со дня рождения академика Александра Александровича Никонова (1918–1995), состоялось обсуждение основных жизненных вех замечательного ученого-аграрника, его интеллектуального и организационного вклада в аграрную науку России.

Отмечалось, что А.А. Никонов, героический участник Великой Отечественной войны, занимавшийся организацией и развитием сельского хозяйства в Латвии, на Ставрополье, в Москве, работая на многих ответственных должностях от министра сельского хозяйства Латвии до президента ВАСХНИЛ, отличался не только выдающимися организационными, интеллектуальными, но и человеческими качествами.

Был оценен громадный вклад академика Никонова в разработку стратегии аграрных реформ в СССР 1980-х годов, создание в годы перестройки Аграрного института — научного учреждения принципиально нового типа, ныне носящего имя ученого — ВИАПИ им. А.А. Никонова.

В обсуждениях круглого стола было показано, что научная деятельность А.А. Никонова проходила отнюдь не в безоблачных условиях, и часто требовала от него проявления гражданского мужества и политической ответственности.

Именно А.А. Никонову российская аграрная наука должна быть благодарна за его последовательное стремление реабилитировать имена А.В. Чаянова и его коллег по организационно-производственной школе, заново ввести в научный оборот запрещенное и забытое научное наследие этих выдающихся ученых.

Наконец, в дискуссии обсуждались значение последнего научного труда ученого, его книги «Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.)». Отмечалось, что это сочинение по-прежнему остается уникальным и актуальным ориентиром для научных и нравственных изысканий путей достойного сельского развития Россия.

Ключевые слова: А.А. Никонов, ВИАПИ им. А.А. Никонова, ВАСХНИЛ, аграрная наука, аграрная политика, аграрные реформы, сельское хозяйство, школа А.В. Чаянова

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-3-70-94

А.М. НИКУЛИН: Уважаемые коллеги, наш круглый стол посвящен памяти выдающегося российского ученого, академика Александра Александровича Никонова, столетний юбилей которого мы отмечаем в этом году. Здесь собрались прежде всего те, кто хорошо знал Александра Александровича, работая вместе с ним на протяжении многих лет. Кроме того, на нашем круглом столе присутствуют несколько молодых научных сотрудников, интересующихся жизнью и научным наследием академика Никонова, социальной историей его времени.

Я передаю руководство нашим круглым столом академику Александру Васильевичу Петрикову, руководителю того самого легендарного Аграрного института (ныне ВИАПИ имени Никонова), который в годы перестройки создал и возглавил Александр Александрович Никонов.

А.В. ПЕТРИКОВ: Прежде всего я хотел бы поблагодарить Александра Михайловича и коллег за то, что они выступили с инициативой провести этот круглый стол в честь 100-летнего юбилея Александра Александровича Никонова. Очень важно, что эта инициатива исходит от Центра аграрных исследований РАНХиГС, который занимается междисциплинарным изучением сельских проблем. Это соответствует широким, системным взглядам Александра Александровича. Я очень признателен вам, потому что ваш Центр сохраняет еще в нашем «разделении научного труда» крестьяноведческую линию. Можно долго спорить, что из себя представляет современное русское крестьянство (некоторые экономисты и социологи говорят, что крестьянства давно уже нет, все размылось в нашем быстротекущем времени), но хорошо, что вы поддерживаете традицию, связанную со школой Теодора Шанина, а значит, и с традицией Александра Васильевича Чаянова и Александра Александровича Никонова.

Я принес сборник, где опубликованы статьи конференции, посвященной 130-летию А. Чаянова, которую мы проводили вместе с Вольным экономическим обществом России в медиацентре «Российской газеты». Я вижу большую символику в том, что эти два юбилея расположились в один год, рядом. 100-летие со дня рождения Александра Васильевича Чаянова в 1988 году, спустя полгода после его реабилитации, организовывал Александр Александрович Никонов. Эта конференция проходила в Центральной научной сельскохозяйственной библиотеке ВАСХНИЛ в Орликовом переулке. Я помню большое стечение народа на эту конференцию, но одновременно большое волнение Александра Александровича, потому что ему очень многие советовали не торопиться с таким широким чествованием Чаянова — даже несмотря на то что уже формально реабилитация его школы состоялась. Но было важно, чтобы труды Чаянова стали доступны широкому кругу исследователей, а не только тем, кто занимался историей аграрно-экономической мысли, как, например, Виктор Петрович Данилов и Надежда Константиновна Фигуровская. Александр Александрович сказал тогда: «Надо, чтобы это был не просто юридический акт реабилитации. Надо, чтобы эти труды возвратились в жизнь, в нашу практику. Надо, чтобы общественность это широко отметила». Он искренне считал, что наследие Чаянова пригодится для развития аграрных отношений в нашей стране, для совершенствования аграрной политики, а не просто окажется данью уважения потомков к выдающемуся ученому, будет иметь только мемориальное зна-

чение. Он считал, что это дело практическое. И не случайно с такой инициативой задолго до широких реабилитационных процессов выступил именно Никонов. Я посмотрел фонд Александра Николаевича Яковлева, где собраны документы о реабилитационных делах времен перестройки. В документе № 1 в письме президента ВАСХНИЛ А.А. Никонова М.С. Горбачеву в сентябре 1986 года речь идет о реабилитации А.В. Чаянова, Н.Д. Кондратьева, Н.П. Макарова и А.Н. Челинцева. Никонов был первым, и в этом выразилась не только его политическая интуиция, но и гражданская и научная позиция.

Далее я в определенном затруднении, потому что здесь, с одной стороны, собрались люди, которые работали рука об руку с Александром Александровичем, его соратники, но много и молодежи.

А.М. НИКУЛИН: Я специально на наш круглый стол пригласил новое поколение исследователей, чтобы, как говорится, «свеча не погасла», не прервалась интеллектуальная историческая традиция.

А.В. ПЕТРИКОВ: Александр Александрович не разделял свою жизнь на время для научных исследований и на личную жизнь. Он был человеком, который 24 часа в сутки думал о сельском хозяйстве, об аграрной политике, о судьбах крестьянства, аграрной науки. Александр Александрович из поколения шестидесятников, которое всколыхнулось в хрущевскую оттепель. Назову несколько имен. Это Алексей Михайлович Емельянов, Гелий Иванович Шмелев, Татьяна Ивановна Заславская, Владимир Александрович Тихонов, Иван Николаевич Буздалов, в этом году ушедший от нас. Они принадлежат к реформаторскому направлению аграрно-экономической мысли. Они работали в разных научных учреждениях, занимали разные позиции во властных структурах, в научных организациях, но были единомышленниками, чувствовали локоть друг друга.

К сожалению, современные исследователи, несмотря на все наши усилия, не обладают тем кредитом доверия и авторитетом у общества и власти, который был у Никонова и его единомышленников. Можно без преувеличения сказать, что ранее ни одно крупное решение в области аграрной политики не принималось без обсуждения с представителями науки. Пусть их мнение не всегда учитывалось, но оно было известно власти. Теперь все по-другому.

Александр Александрович никогда не был кабинетным ученым, несмотря на то что очень высоко ценил этот кабинетный труд. Он всегда совмещал исследовательскую деятельность с активной общественной позицией и участием в государственном управлении. И нам, наверное, отмечая его юбилей, должно быть понятно, насколько много предстоит еще сделать, чтобы вернуть это признание, это доверие общества и власти к аграрно-экономической науке.

Александр Александрович родился в середняцкой крестьянской семье на хуторе Зайково Вышгородецкой волости Островского уезда Псковской губернии, на границе с Латвией. Сейчас этого хутора нет, но деревня Зайково живет. С ранних лет он помогал родителям по хозяйству, что воспитало в нем огромное трудолюбие — Никонов всю жизнь был трудоголиком. Крестьянские университеты дополнились обучением в классической гимназии в городе Абрене. В 1920 году волость, где родился Александр Александрович, отошла к Латвии. И Пыталово переименовали в Абрене. Затем он учился на ветеринарно-медицинском факультете Рижского университета. Он не был по своему первому образованию экономистом — учился на ветеринара, поскольку эта профессия высоко котировалась в крестьянской среде, ведь от знаний и умений ветеринара зависело каждое крестьянское хозяйство. До конца жизни Александр Александрович сохранил пиетет перед ветеринарией. Он мне как-то говорил, что ветеринары — самые образованные среди всех сельскохозяйственных специалистов: они латынь знают.

Малая родина определила многое в жизни Александра Александровича. Это была местность, где Россия встречается с Балтией, где соседствуют древнерусская православная традиция и европейский католицизм. Он воспитывался, с одной стороны, в консервативной крестьянской среде, а с другой стороны, в модернистской атмосфере университетского города: отсюда его культурная и конфессиональная толерантность, почитание традиций и одновременно стремление к новаторству, истинный патриотизм и неподдельный интерес к опыту других стран и народов. Когда ему пришлось уехать из Латвии, он не случайно выбрал Ставрополь. Такая мультикультурная атмосфера была ему по душе с самого раннего детства и ранней юности. Одна из причин состояла в том, что там представлены культура и языки многих народов.

Но университетский курс Никонову закончить не удалось. Он был в коммунистическом подполье, боролся за установление советской власти в Латвии. Грянула Великая Отечественная война, и он ушел на фронт добровольцем, с оружием в руках защищал честь и независимость Отечества. Орден Боевого Красного Знамени, полученный им за бой под Нарофоминском в декабре 1941 года, он считал своей главной наградой. После освобождения Латвии от немецко-фашистских захватчиков он работал в Абренском и Даугавпилсском укомах компартии Латвии, был уездным старшиной. С 1946 по 1951 год он — секретарь ЦК компании Латвии по сельскому хозяйству, то есть стал им в 28 лет. А затем в течение 10 лет был министром сельского хозяйства республики. Одновременно в 1952 году окончил Высшую партийную школу, а в 1959 году агрономический факультет Латвийской сельскохозяйственной академии. Это были трудные годы послевоенного восстановления, коллективизации сельского хозяйства, налаживания его на новых социально-экономических условиях. Никонов проводил генераль-

ную линию партии в деревне осторожно, с учетом местных условий, сопротивляясь, насколько это было возможно, форсированным сельскохозяйственным кампаниям, в том числе непродуманному сселению мелких деревень и хуторов, повсеместному распространению «царицы полей» — кукурузы. Лично оппонировал по этому вопросу Никите Сергеевичу Хрущеву во время его приезда в Ригу летом 1959 года на совещании с руководящим активом республики. Но оппонировал Никонов всегда с цифрами в руках: приводил многолетние данные опытных станций по выходу кормов и протеина с гектара посева клевера и кукурузы, их себестоимости. Сравнения были не в пользу кукурузы — Хрущев выслушал доводы, задумался. Возникла неловкая пауза. И потом сказал свою знаменитую фразу, которую Александр Александрович любил вспоминать: «Я вам не верю, — сказал Никита Сергеевич. — Но к вам надо прислушаться». В итоге возделывание кукурузы в Латвии осуществлялось сдержанно, с учетом местных условий.

Все это повышало авторитет Никонова среди специалистов и руководителей сельскохозяйственных предприятий, но вызывало гнев руководства республики. Доходило до обвинений в «буржуазном национализме». В марте 1962 года он был смещен с министерского поста и в одночасье стал старшим научным сотрудником Латвийского института земледелия.

Этот конфликт обогатил Никонова бесценным политическим опытом и одновременно положил начало его научной карьере. Он защищает кандидатскую диссертацию «Специализация и концентрация производства в совхозах Латвийской ССР» в Тимирязевской академии, но политическое давление продолжается. Объявленный в республике фактически персоной нон грата, в 1963 году он переезжает в Ставрополь, где возглавляет Ставропольский НИИ сельского хозяйства.

Из небольшого, можно сказать, провинциального института Ставропольский НИИСХ становится одним из ведущих научных центров Российского отделения ВАСХНИЛ. Здесь Александр Александрович начинает большую серию работ по системам ведения сельского хозяйства; в 1973 году защищает докторскую диссертацию, в 1975 году становится членом-корреспондентом, в 1978 году — академиком ВАСХНИЛ. Применение системного подхода в сельском хозяйстве на долгие годы — главное направление его исследований, его визитная карточка. В Ставропольском НИИСХ была разработана оригинальная система сухого земледелия, основанная на рациональном использовании в севообороте паров, что, несмотря на сокращение посевных площадей, приводило к росту урожайности сельскохозяйственных культур.

На результаты работ Никонова и Ставропольского НИИСХ делает ставку первый секретарь крайкома партии Д.Ф. Кулаков, а затем М.С. Горбачев. А.А. Никонов курирует учебу Горбачева на заочном отделении экономического факультета Ставропольско-

го сельскохозяйственного института и является научным руководителем его дипломной работы. Труды Ставропольского НИИСХ использовались позднее Горбачевым в управлении сельским хозяйством края и содействовали его успешной партийной карьере. Одновременно с Горбачевым, ставшим в 1978 году секретарем ЦК КПСС и отвечавшим за вопросы сельского хозяйства, Никонов переезжает в Москву, работает до 1982 года академиком-секретарем Отделения экономики ВАСХНИЛ, затем первым вице-президентом и Президентом ВАСХНИЛ.

Без преувеличения можно сказать, что, консультируя Горбачева и опираясь на его политическую поддержку, Никонов становится в 1980-е годы главным идеологом и разработчиком аграрной политики страны. Он возглавляет рабочую группу по подготовке Продовольственной программы СССР, занимается в ВАСХНИЛ ее научным обеспечением, инициирует предложения по усилению экономических методов управления и хозрасчета в АПК.

Притчей во языцех стало утверждение о нараставших аграрных трудностях как одной из главных причин распада СССР. На самом деле это далеко не так. Сельское хозяйство пусть медленно, но поступательно развивалось, несмотря на многие острые проблемы, о которых убедительно писал и Никонов. Уровень валового производства 1990 года — последнего года реализации Продовольственной программы — был достигнут нами только в прошлом, 2017 году. Безусловно, продовольственные трудности были, но вызывались они не недостаточными объемами производства, а расстройством системы продовольственного обеспечения и торговли, что напрямую было связано с кризисом политической системы страны. Никто не отрицает, что были пустые прилавки, но не были пустыми холодильники и подвалы. Сельхозпродукции и продовольствия в стране было достаточно, но была дезорганизована продовольственная торговля, продовольственное снабжение крупных городов.

Итак, по инициативе А.А. Никонова в 1987 году состоялась реабилитация А.В. Чаянова и его единомышленников — событие, восстановившее связь времен и поколений в аграрно-экономической науке и открывшее дискуссию о рыночных реформах в АПК. С трудами Чаянова Никонов познакомился еще в 1951 году, но только спустя 35 лет реабилитация, а с ней и возвращение чаяновского наследия стало возможным.

В 1989–1990 гг. А.А. Никонов в качестве народного депутата СССР и члена Комитета по аграрным вопросам и продовольствия Верховного Совета руководил подготовкой «Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о земле», принятых в феврале 1990 года и отменивших монополию государства на землю. В соответствии с «Основами...» граждане СССР могли получить землю в пожизненное наследуемое владение для ведения крестьянского хозяйства. Провозглашалось право землевладельцев «самостоятельно хозяйствовать на земле». Постановлением о введении

«Основ...» в действие правительству предписывалось разработать «специальную программу поддержки крестьянских хозяйств... предусмотреть в проекте плана на тринадцатую пятилетку меры по созданию равных возможностей для развития всех форм хозяйствования на земле».

На основании работ второй половины 1980-х годов, общественно-политической и государственной деятельности Александра Александровича в этот период (а он совмещал посты Президента ВАСХНИЛ и заместителя председателя Госагропрома СССР) критики Никонова приписывают ему, если не авторство, то обоснование земельной и аграрной реформы 1990-х годов. А созданный им после ликвидации ВАСХНИЛ Аграрный институт даже пытались в 1995 году закрыть.

Но это нелепые обвинения. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с разработанной ВАСХНИЛ «Концепцией развития агропромышленного комплекса до 2005 года», одобренной Государственной комиссией Совета Министров СССР по продовольствию и закупкам 31 марта 1990 года. Концепция предполагала эволюционные, а не радикальные преобразования, совершенствование государственного регулирования АПК, но в силу политических причин не была реализована.

В статье 1987 года Никонов писал: «Сущность современной аграрной реформы состоит в создании нового аграрного строя на основе приватизации земли и других средств производства с формированием широкого слоя самостоятельных крестьянских (фермерских) хозяйств и кооперативов, реорганизации колхозов и совхозов, с заменой директивного планирования экономическим регулированием и переходом на рыночные отношения. Мы не мыслим устранения государственного регулирования, но характер его принципиально меняется в сторону ухода от командования к созданию для предприятий благоприятных экономических, научно-технических и социальных условий». Но уже первые два-три года реформы показали, что ее цели не реализуются, она проводится методом шоковой терапии, а не эволюционно. И одним из первых об этом стал говорить Никонов. Он остро переживал происходившее в стране, называя 1990-е годы временем тотального кризиса, очередной российской смутой.

Реорганизация колхозов и совхозов должна была, по Никонову, закончиться их превращением в «кооперативы кооперативов» — это его любимое выражение. Колхоз (совхоз) должен быть «кооперативом кооперативов»: первичные производственные звенья и общехозяйственная инфраструктура. На Никонова очень большое впечатление произвела его поездка в Израиль во второй половине 1980 х годов, где он ознакомился с опытом израильских кибуцев и мошавов. В газете «Правда» появилась большая по газетным меркам статья Александр Александровича «О кибуцах и мошавах». Он долго боролся за такое название, а ему говорили: «Александр Александрович, напишите “Зарубежный, израильский опыт в сельском хо-

зяйстве. Взгляд советского академика". Что-нибудь такое». — «Нет, "О кибуцах и мошавах"». Он сравнивал именно два подхода: модель кибуцев и модель мошавов. И ему импонировала модель мошавов, где присутствовали хозяйственная самостоятельность семей, первичных трудовых коллективов и общая инфраструктура, общий сбыт, общее снабжение.

В 1992 году Александр Александрович добровольно отказался баллотироваться на пост президента Российской академии сельскохозяйственных наук. Он только просит у властей дать ему возможность организовать на базе Совета по приоритетным проблемам социально-экономического развития АПК при Президиуме ВАСХНИЛ, в котором работали Алексей Михайлович Емельянов, Гелий Иванович Шмелев, Вера Андреевна Матусевич, и заместителем Александра Александровича Эльмира Николаевна Крылатых, а также Сергей Викторович Киселев, Евгения Викторовна Серова. Идеальной моделью для Аграрного института он считал НИИ сельскохозяйственной экономии, который создал Чаянов в 1919 году в Тимирязевке. Учел Никонов и предложения Владимира Григорьевича Венжера, который неоднократно обращался в ЦК с инициативой организовать Аграрный институт. Институт создать удалось, было выделено здание рядом с Президиумом ВАСХНИЛ, что тоже было одним из условий добровольного ухода с поста президента.

Последние годы своей жизни Александр Александрович посвятил работе над монографией «Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика в России XVII–XX вв.», которая вышла в свет за несколько дней до его трагической гибели, 5 октября 1995 года. Мы в институте начиная с 1996 года ежегодно проводим Никоновские чтения. В этом году они пройдут на экономическом факультете МГУ имени Ломоносова и будут посвящены положению дел в аграрно-экономической науке.

В заключение позвольте мне озвучить основные научные постулаты, кредо академика Александра Александровича Никонова.

1. Сельское хозяйство есть, безусловно, базовая, стратегическая отрасль экономики, а крестьянство — социальная основа российского общества, аграрные отношения и институты — экономические и социальные скрепы России.

2. Основа научного анализа сельского хозяйства и сельского сообщества и, соответственно, аграрной и сельской политики есть, с одной стороны, системный, а с другой — исторический подход в их диалектическом единстве. Никонов рассматривал аграрную отрасль как постоянно развивающийся симбиоз экономических, биологических, материально-технических и социальных связей. Он всегда увязывал аграрную политику с социальной и экологической, предложения по сельскому хозяйству — с мерами по развитию российской деревни.

3. Критерием аграрных преобразований наряду с развитием производительных сил является повышение жизненного уровень

крестьян. В центре реформ, по мнению Александра Александровича, должен стоять сельский человек, крестьянин с его интересами и потребностями. Именно поэтому в выборе формы хозяйствования окончательное слово должно оставаться за крестьянами. Государство лишь создает равные условия для развития всех типов предприятий и хозяйств. Формами их рыночной интеграции должна быть кооперация, поскольку кооператив управляется непосредственными сельскохозяйственными товаропроизводителями, а цель его деятельности состоит в удовлетворении потребностей членов кооператива.

4. Огромная роль в развитии сельского хозяйства принадлежит науке. Но предназначение науки — не только получение новых знаний, но и продвижение их в жизнь, вооружение этими знаниями крестьян. Сельскохозяйственная наука не ограничивается фундаментальными исследованиями, но и внедряет их результаты в практику. Практика — не только критерий истины, но и предмет заботы ученых.

5. Развитие сельского хозяйства, аграрная история — поле и одновременно результат взаимодействия трех социальных сил: государства, крестьянства и науки. Отношения между ними, по мнению Никонова, складываются весьма противоречиво, а чаще всего драматично. Александр Александрович назвал аграрную историю России «спиралью многовековой драмы» и, как мне представляется, всю жизнь искал рецепт гармонии этих трех сил. В явном виде этот рецепт нигде не прописан, но его можно сформулировать, если обратиться к никоновским представлениям о социальной роли сельскохозяйственной науки. Во взаимоотношениях государства и крестьянства сила всегда на стороне государства, особенно в условиях недостаточного развития демократических институтов и засилья непросвещенной бюрократии. Крестьянство часто не может не только защитить, но и выразить свои интересы. Бюрократия не понимает чаяний крестьян. Отсюда двоякая социальная роль аграрной науки. С одной стороны, осознать и защитить крестьянские интересы, с другой — просветить бюрократию и обеспечить ее необходимыми для правильных решений знаниями.

6. Чтобы выполнять эту роль, наука должна быть рационально организована. Вот основные выводы по организации науки, к которым пришел А.А. Никонов в своих работах, обобщая историю аграрных исследований в России:

«1. Не допускать ни в какой форме монополизма какого-то одного направления.

2. Внимательно присматриваться к жизни, своевременно замечать ростки нового, пусть слабые, одинокие, но с богатыми задатками.

3. Активнейшим образом использовать мировой опыт.

4. Ценить и беречь людей науки, заботливо их воспитывать, рационально использовать их труд, вовремя... поощрять».

Условием развития науки и одновременно свидетельством ее благополучия он считал наличие лидеров и научных школ. «Формирование научных школ — дело не одного дня или года, их не откроешь приказом по ВАСХНИЛ, министерству или агропрому, — писал он в 1989 году, — они могут вырасти в условиях демократичного, открытого, высокообразованного и культурного общества, где плюрализм мнений, свобода дискуссий, взаимное обогащение знаниями, умение слушать друг друга являются нормой жизни. Именно в такой среде родились Тимирязев, Вавилов, Чаянов, Кондратьев. Командно-бюрократическое управление обществом и наукой исключает саму возможность существования такой среды, а следовательно, и научных школ. Демократизация общественных отношений и создание правового государства в корне изменяют ситуацию. И мы должны воспользоваться этим, возрождать лучшие традиции отечественной науки, поддерживать все талантливое, формировать научные школы и направления».

Нынешнему поколению экономистов-аграрников России необходимо сделать все для того, чтобы никоновские заветы стали нормой жизни. Это будет лучшей памятью выдающемуся ученому и гражданину, настоящему русскому интеллигенту Александру Александровичу Никонову.

В.М. БАУТИН: Я также хотел бы поделиться некоторыми воспоминаниями о человеческих и деловых качествах Александра Александровича Никонова, с которым мне довелось проработать более трех лет — с 1982 по 1985 год. Переломные моменты его деятельности в ВАСХНИЛ как раз выпали на этот период. Он был академик-секретарь, потом первый вице-президент, исполнял обязанности президента целый год, а в 1984 году стал президентом. Первый раз мы с ним встретились в 1977 году на Всесоюзной школе молодых ученых по аграрной экономике в Минске (ее участники — молодые ученые, специалисты в области аграрной экономики в возрасте где-то до 33 лет). Там были и все наши знаменитые академики: Павел Павлович Лобанов, Николай Павлович Александров (тогда директор ВНИЭСХа), Владимир Александрович Тихонов, Василий Романович Боев, который тогда работал в Сибири. Одним словом, очень солидная компания. И туда же приехал Александр Александрович Никонов как директор института из Ставрополя. И вот что меня поразило: первый раз, как я его увидел, он мне напомнил героя произведения Даниила Гранина «Зубр», легендарного Тимофеева-Ресовского. Он выделялся рублеными чертами лица и так степенно всегда ходил, не спеша, фундаментально. Поступь такая медвежья. После того как он выступил, он стал как бы неформальным лидером. Молодежь стала за ним ходить, расспрашивать. Несмотря на то что в беседах он был мягкий и говорил неспешно, за трибуной он преображался, обнимал ее обеими руками, глядя в зал, говорил обрывистыми и четкими фразами. Как буд-

то бы другой человек. Так выступать не каждый может, но он это в себе воспитал. Потом он мне поведал, что «над каждым выступлением, дорогой мой юный друг, надо работать и очень усиленно». Любое выступление он готовил самостоятельно. Эти три года работы рядом с ним, конечно, были хорошей школой для меня. Я видел его как в добродушном настроении, так и иногда в раздраженном, даже жестком. Вспоминаю такой случай. В то время мы, молодые ребята (а мне было 34 года), совершили оплошность, выпустили приказ по ВАСХНИЛ и не сообщили о ней заму главного ученого секретаря Александру Сергеевичу Шапкину. А потом все это так закрутилось, стало нарастать как снежный ком. И вот Никонов нас вызывает, и я его не узнаю: налитые кровью глаза, смотрю на его руку и думаю, сейчас этой медвежьей лапой как врежет в ухо, так не соберешь себя. Построил он нас по стойке «смирно». Действительно было с нашей стороны упущение: в приказе был упомянут Бауманский райком партии, ему сразу же позвонил первый секретарь Купреев и стал выяснять, в чем дело. Никонов отвечает: «Я не знаю, я разберусь». И вот тут он нас так повоспитывал, что я запомнил это на всю оставшуюся жизнь. Некоторые вещи обязательно нужно согласовывать, показывать, нельзя самостоятельно принимать решения.

А.В. ПЕТРИКОВ: Владимир Моисеевич, извините, объясню для молодого поколения: в Бауманском РК КПСС состояли все члены Политбюро, на первичном учете.

В.М. БАУТИН: Да, это был особый райком партии, на первичном учете состояли там многие руководители, в том числе и из большинства министерств. Все призывы, обращения к нации, все исходило по инициативе Бауманского райкома партии. Сперва там озвучивалось, а потом уже распространялось по всей стране.

Я хотел бы также сказать, что Александр Александрович сочетал в себе очень многие качества комплексно: и ученого, и педагога, и производственника, и особенно организатора, и такого увлеченного просветителя. Он одновременно был и романтиком, и реалистом. Он любил поговорить, и в то же время принимал реальные четкие решения. В трудные минуты жизни он удар держал очень достойно, и неоднократно мне говорил: «Вот видишь, через меня дважды проехали бульдозером, а я ничего, держусь, видишь, работаю».

Будучи членом бюро ЦК Компартии Латвии, Никонов часто выступал на активах и на пленумах ЦК, так народ бросал свои дела и бежал его слушать.

Вторая особенность, которую я хотел бы отметить, это, конечно, умение консолидировать людей. Он собирал специалистов из самых разных областей, находил талантливых людей, приближал их к себе, брал все их хорошие идеи и потом претворял их в жизнь с помощью

их же самих. Он обладал поразительной интуицией и политическим чутьем, всегда работал как бы на опережение, предугадывал. Поэтому ему удавалось уловить новые тенденции, которые появлялись в народном хозяйстве и в партийной, производственной деятельности. Эти новые идеи он откладывал в голове про запас и озвучивал тогда, когда это было к месту, ко времени, и когда было наиболее эффективно. Это была огромная жизненная школа для всех тех, кто был рядом с ним, не только для молодых, потому что было чему учиться. Он старался воспринимать здравые мысли, умел слушать и слышать людей, подчиненных и просто тех, кто приходил к нему на прием. Одним словом, это был образец для подражания, и очень сильный. И я хотел бы подчеркнуть: глубоко символично то, что он был последним президентом ВАСХНИЛ, ведь первым президентом был великий Николай Иванович Вавилов.

И, наконец, несколько слов о его последней книге. Весь сгусток развития аграрной экономики, и не только сельского хозяйства, но и всей аграрной политики, сосредоточен в этом фундаментальном труде. Александр Александрович всегда любил заниматься аграрным науковедением. Я всегда привожу в пример две лекции, которые он прочитал на методологическом семинаре в Ставрополе. Представьте — 1975 год, «Мораль и этика ученого». Это оригинальный труд на 53 страницах. И вторая, уже написанная немного позже, в 1977 году «Сущность, функции, методология и принципы классификации наук». Над каждым своим выступлением он работал самостоятельно, и всегда это вызывало даже не просто одобрение, а я бы сказал, восторг.

Я вспоминаю одно выступление его на пленуме Центрального Комитета ВЛКСМ, который был посвящен участию комсомола в реализации Продовольственной программы. И вот я помню просто невероятную вещь: Горбачев поворачивается к Никонову, сидящему во втором ряду, и говорит: «Ну, ты чего-нибудь скажешь молодежи?» Вы представляете, человек ведь не готовился, не должен был выступать. А он говорит: «Если Вы считаете, что я должен обратиться к молодежи, то я готов». И следующим выступающим объявляют его. Я представляю это чувство, когда ты абсолютно не готов, но тебя вызывают, и ты должен идти. Идешь к трибуне и думаешь, о чем же говорить. А выступление имеет жесткий регламент — 10 минут. И вот в самом начале Александр Александрович сказал общие слова, а потом как врубил. И выступил без бумаги, а тогда на пленумах все читали по бумажкам. Аудитория — полторы тысячи человек, да еще активная молодежь — и в итоге бурные аплодисменты. И потом на следующий день он мне позвонил и говорит: «Ты знаешь, а я недоволен своим выступлением». Я говорю: «Да вы что?! На ура». «Нет, я вот не сказал об этом, о том...»

Когда он был первым вице-президентом, а президент Петр Петрович Вавилов ушел на пенсию, ему пришлось год исполнять его обязанности. В это время он дал мне поручение подготовить два се-

минара-совещания директоров всесоюзных НИИ по сельскому хозяйству, входящих в систему ВАСХНИЛ. Первый такой семинар в 1983 году мы провели на базе Литовского института земледелия, чей положительный опыт был обобщен ЦК КПСС и Советом Министров СССР. Никонов отправил меня туда на две недели пораньше, чтобы присмотреться. Институт находился в сельской местности, в глубинке. Это не Вильнюс и не Клайпеда, это сельский район. Я спрашиваю тогда у директора: «А где ж мы размещаться будем?» Он говорит: «Есть там у нас общежитие, по 4 человека, ничего страшного. Вы не волнуйтесь, Владимир Моисеевич, все будет прекрасно, все будут довольны». «А готовить где? Это ж 300 человек приедет». — «Ничего, все наши сотрудники, все тут. Все будет нормально». Второй семинар провели уже на базе института в Ставрополе. Но там он был, конечно, легендарный герой, его с хлебом-солью встречали везде, куда бы он ни приехал.

Еще несколько слов о его отношении к Тимирязевке, которую он очень любил, потому что в свое время она ему протянула руку помощи. С.Г. Колеснев заставил его защититься в 1962 году, и вот его дарственная надпись на автореферате (тоже реликвия): «Глубокоуважаемому учителю — академику Самуилу Георгиевичу Колесневу с глубочайшей благодарностью. Никонов. 9 апреля 1962 года». Иными словами, в тот момент, когда у него уже назревали серьезные проблемы, он успел защититься. И потом это сыграло, конечно, положительную роль: он имел ученую степень и мог стать директором. И вы знаете, он в Тимирязевке был заведующим кафедрой планирования и прогнозирования почти 8 лет. Сейчас там мемориальная аудитория и мемориальная доска. На главном корпусе Ставропольского аграрного университета также находится мемориальная доска Александру Александровичу Никонову.

Э.Н. КРЫЛАТЫХ: Какие интересные выступления — я заслушалась. Александр Александрович Никонов — это, конечно, космическая величина во многих отношениях: и по высотам, которых он достиг, и по умению выходить из трудных положений. Одно из великих счастий моей жизни — быть знакомой с ним, иметь возможность довольно много с ним общаться. Должна сказать, что вообще Александр Александрович умел дружить, так скажем, с женщинами. Правда. Он был всегда внимателен, мгновенно чувствовал, в каком состоянии находится сотрудница, и умел сказать такие слова, на которые даже очень чем-то обиженная и рассерженная женщина вдруг начинала улыбаться и обретала свое женское очарование. В знак такого большого события — 100-летнего юбилея — мы с Еленой Юрьевной написали статью, которую, опубликовал журнал «Крестьяноведение».

Когда уже я была в ВАСХНИЛ, Александра Александровича очень интересовал период моей работы в колхозе «Рассвет» Кировского района, Могилевской области, где председателем был Ки-

рилл Прокопьевич Орловский. Его интересовали такие детали, что я была поражена просто, поэтому с удовольствием все рассказывала. И еще, конечно, вспоминается работа над «Спиралью». Александр Васильевич, конечно, хорошо помнит, как мы собирались у Александра Александровича, раз подробно разбирали очередную главу, которую он нам предлагал как-то оценить. Говорили, что вот это очень здорово, а вот это надо переделать, и так далее. Понятно, что книга — целиком авторская, но все-таки на стадии подготовки подпитывалась реакцией людей, с которыми он был в научном и человеческом контакте. Поэтому когда я анализирую свою долгую жизнь, то считаю, что Никонов и все, что с ним связано, это одно из счастливейших событий моей жизни. Я очень благодарна судьбе, что она дала мне возможность работать вместе с Александром Александровичем. А в заключение хотелось бы, чтобы общими усилиями, хорошо продумав и приняв решения серьезного характера, мы могли разработать «спираль» эффективного развития аграрной экономической науки.

В.Я. УЗУН: Хорошо, что мы обратились к этой юбилейной дате и воспоминаниям. Я тоже с удовольствием послушал основных докладчиков: новые нюансы, новые аспекты, новые грани личности и деятельности Никонова — все воспринимается с большим интересом. Мне довелось достаточно долго работать с Никоновым: с 1980 по 1995 год. Сегодня уже упоминали — начиналась эта работа с разработки Продовольственной программы. В 1980 году я работал во ВНИИЭСХ заведующим сектором целевых программ развития АПК. А тут в ВАСХНИЛ поступило задание из ЦК КПСС разработать целевую комплексную Продовольственную программу СССР. И естественно, Александр Александрович обратился во ВНИИЭСХ, в том числе ко мне, с предложением участвовать в этой работе. Для начала нужно было составить структуру будущей продовольственной программы. И потом наше сотрудничество, достаточно тесное, продолжалось до последних дней его жизни.

Если говорить о его личности... Я тоже отмечу, что он всегда был очень внимательным. Для Продовольственной программы все институты ВАСХНИЛ дали свои предложения, которые собрали в библиотеке, где мы пытались сделать первый вариант программы. Это было зимой 1981 года. Никонов приходил на эти обсуждения, вызывал известных ученых, чтобы послушать разные мнения. Рано утром я обычно был уже на месте, он зашел и поинтересовался: «А почему Вы приходите раньше? Еще никого нет». Я говорю: «Ну, как на работу обычно». Он поприветствовал: «Доброе утро, Василий свет Якимович». Никогда в жизни никто так ко мне не обращался.

Много работ было, которые мы делали совместно. Эти 15 лет — это было время, когда пытались сначала усовершенствовать советский аграрный строй, а потом переделать его уже на рыночный лад. Собственно, этим занимался Никонов каждый день, это

была его работа. И я согласен с Александром Васильевичем, когда он говорит, что Никонов был ключевой фигурой в разработке аграрной политики в 1980-е — начале 1990-х годов. Все шло через него, поскольку у него были хорошие отношения с Горбачевым, последовательно секретарем ЦК, членом Политбюро, генеральным секретарем. Постоянный карьерный рост Горбачева усиливал и влияние Никонова. К нему прислушивались. Хотя часто говорят и пишут, что никто не готовил аграрную реформу 1990-х годов, она делалась спонтанно, без подготовки, но мы все эти годы искали, как реформировать сельское хозяйство, преобразовать экономический механизм хозяйствования, перейти на рыночные рельсы. Ведь уже был опыт Китая (1978 год), и Никонов следил за этим опытом. Много раз в ВАСХНИЛ обсуждали, надо ли делать реформу, как в Китае. И вроде бы формально все соглашались, что надо. Но когда дело доходило до конкретики, все стопорилось. Допустим, в Китае землю раздали — крестьянин знает, где его земля, и люди создали свои хозяйства, были заинтересованы в работе — давайте и мы так сделаем. Мнения разделились. И если Никонов стоял за то, что все-таки крестьянам надо дать землю и ресурсы, для того чтобы они эффективно работали, то, например, С.С. Сергеев, тогда академик-секретарь отделения экономики, категорически был против — ни в коем случае по-китайски делать нельзя, не надо идти по китайскому пути. Это неправильно.

Во время разработки продовольственной программы фактически были определены основные направления будущих реформ. Вместе с программой было принято 10, по-моему, постановлений правительства, где все конкретизировалось, что нужно сделать для того, чтобы осуществить программу. В 1982 году программу приняли, в 1983 в Белгороде был уже проведен всесоюзный семинар о переходе на бригадный подряд, с тем чтобы у крестьян появилось «чувство хозяина». Никонов знал эту историю, знал о попытках перейти на бригадный подряд еще в 1960-е годы. Ближайший соратник А.А. Никонова в те годы, В.А. Тихонов, был разработчиком идеи подряда и мелкогрупповой организации труда. Я помню множество выступлений В.А. Тихонова, в том числе и на совете по АПК при правительстве, где он говорил: «Колхозы нужно распустить» (Карфаген должен быть разрушен). Тихонов этим накалял обстановку до предела, но он такими словами настаивал, что оставлять систему в прежнем виде нельзя. Ее надо реформировать.

Хотя Александр Васильевич Петриков со мной не соглашается, но я все-таки расскажу еще раз, каким мне запомнилось это время: А.А. Никонов был символом перестройки в АПК, генератором идей реформирования сельского хозяйства в 1980-е годы, постоянно работал над предложениями для властей по совершенствованию хозяйственного механизма в АПК.

И последний труд Никонова «Спираль многовековой драмы» — тоже целиком посвящен реформе. И спираль, и драма про-

слеживаются в судьбах тех, кто пытался что-то реформировать в России за 300 лет. Трагична судьба у всех людей, которые пытались провести реформу в сельском хозяйстве, пытались убедить власти в принятии решений в интересах крестьян, потому что у всех этих людей, если смотреть книгу, у всех есть идея освобождения крестьян, наделения их землей. Но их судьбы были трагичны. Петра I не стало, и идеолог Петровских реформ Посошков И.Т. был репрессирован и умер в тюрьме. При Александре I проекты реформ разрабатывал М.М. Сперанский, попытки воплотить их в жизнь закончились опалой и высылкой. Отменивший крепостное право Александр II был убит, реформатор Столыпин убит, участники Столыпинской реформы впоследствии попали под раскулачивание и многие погибли, некоторые энтузиасты реформ в хрущевскую оттепель закончили жизнь в тюрьмах.

Я завершу свое выступление воспоминаниями о последних днях жизни Никонова. После того как Горбачев лишился своего поста, Александр Александрович оказался в опале у РАСХН. Незадолго до октября 1995 года мы обсуждали вопрос о переводе Аграрного института из ВАСХНИЛ в систему Российской академии наук. И в день перед смертью Александр Александрович позвонил и сказал: «Я вопрос решил с С.С. Шаталиным (академик–секретарь отделения РАН). Мы договорились: отделение экономики РАН не против того, чтобы Аграрный институт перевести в систему Академии наук. Нужно переходить к формальным вопросам — какие бумаги подготовить и подписать в правительстве». Со мной он советовался, как я понимаю, потому, что это был 1995-й, мы работали в Нижнем Новгороде. В 1994 году В.С. Черномырдин приезжал, смотрел на реформирование, аукционы. В 1995-м мы много работали с отделом АПК в аппарате правительства по подготовке проектов постановлений по распоряжению земельными долями, реорганизации сельскохозяйственных предприятий.

О времени встречи мы не договорились. На следующий день я все думал: «Может, позвонить, узнать, какое время?» Но не позвонил, подумал, я же на работе, если нужно, он меня найдет. А потом, когда случилась трагедия, сожалел. Если бы я позвонил, сдвинул его график на несколько минут, может быть, все сложилось бы иначе. Он сам драматически закончил свою жизнь. Перевести институт — это, конечно, был тяжелый шаг, так не делали ни разу. Но он решился.

Л.А. ОВЧИНЦЕВА: Я уже второй раз присутствую на замечательном обсуждении, посвященном столетию А.А. Никонова, и поскольку здесь присутствуют не только «зубры» аграрно-экономической науки, но и молодые люди, то хотела бы еще раз подчеркнуть, почему мы вспоминаем Александра Александровича. Почему этот человек кажется таким значимым? То, что он писал, сейчас это предмет скорее аграрно-исторической науки. То, на чем он сде-

лал свое научное имя, — сейчас это объект скорее исторического изучения, нежели применения. Мне кажется, отчасти потому, что он принимал участие в драматических событиях нашей истории: в Латвии, в Великой Отечественной войне. Тогда проявился его характер. Заслуживает уважения просто изучение его личности. Куда бы он ни приходил, он везде оказывался значимым. И то, как он относился к людям, — удивительно, все об этом вспоминают. То, что всегда делало его лидером, — это его необыкновенная харизма и умение увидеть главное. И это главное поддержать. Вот смотрите, он приезжает на работу в Ставрополь. И здесь именно благодаря Никонову институт превратился в ведущее научно-исследовательское учреждение. Дальше, он приходит в Академию. И сразу же у всех его имя на слуху. Он умел увидеть человека, умел увидеть в нем что-то главное. Василий Якимович — прекрасный пример: может быть, Никонов не разделял полностью его стремления к реформированию сельского хозяйства, но разглядел в нем необыкновенный научный потенциал и постарался поддержать, создать условия для работы. Я увидела Никонова первый раз в 1993 году, когда он набирал для своего нового научного института, который создавал с нуля, молодых ученых, сейчас это звезды, они выросли в замечательных ученых. Никонов умел собирать талантливых людей, создать для них условия для работы, привлечь средства для проведения научных исследований, включить их в международные проекты.

Я была еще аспиранткой, сидела за компьютером и писала диссертацию. Он постучался в кабинет, зашел и спрашивает: «Что вы делаете?» Он был необыкновенно деликатен, очень внимателен к людям, всегда старался создать условия именно для научной работы. Человек был необыкновенной широты. И вот это качество позволяло ему воплощать задуманное. Был создан аграрный научный институт, который мог конкурировать с ВНИИЭСХ, у которого была уже многолетняя история и работали маститые ученые. Тем не менее Аграрный институт стоял наравне, обладал большим научным потенциалом и репутацией в аграрной науке.

Я думаю, что имя Никонова очень долго будет сохраняться в истории еще и благодаря его деятельной научной позиции, реабилитации Чаянова, участию в подготовке аграрной реформы, в разработке аграрной политики. Этот человек войдет, конечно, в любые энциклопедии и не будет забыт.

Н.С. ХАРИТОНОВ: Мне повезло работать вместе с Александром Александровичем. Пусть не так, как Александру Васильевичу, Владимиру Моисеевичу или Василию Якимовичу, у меня с ним были скорее «служебные отношения». Когда он уезжал из Латвии, я работал в ВАСХНИЛ ученым секретарем в Отделении экономики. Сначала два года в Совете по разработке систем ведения хозяйства, а потом сразу в Отделении экономики. В то время существовала очень интересная система, правильная, мне кажется, выборов в ака-

демики и члены-корреспонденты. Не только за количество печатных работ или научно-организационную деятельность. Пытались найти талантливых ученых и как бы «раскрутить» их уже в рамках Отделения экономики. С таким кандидатом работали по нескольку лет, содействовали его росту, помогали с научными разработками. Моим руководителем был академик Григорий Матвеевич Лоза, замечательнейший человек, он приметил Александра Александровича, когда тот работал в Латвии министром, там у них и произошло знакомство. Именно тогда он уже положил глаз на Никонова.

Это была очень взаимосвязанная система продвижения кадров. Я только что окончил аспирантуру, работал ученым секретарем, получил распределение на Северный Кавказ. И Лоза поручает мне, молодому специалисту: «Ты должен съездить в город Ставрополь и засветиться перед Никоновым» И я начиная с 1968 года четыре или пять лет ездил к нему. В 1975 году Никонов стал членкором. Получается, что минимум четыре года я ездил и «раскручивал» его. То, что я увидел в его институте, — это просто фантастика. Мы (ученые секретари) ездили по очень многим институтам — и в Молдавию, и в Среднюю Азию, и видели там, не могу сказать убожество, но весьма неблагополучное состояние в большинстве институтов. А здесь Александр Александрович даже не на базе института, а на базе Прикумской опытной хлопководческой станции фактически организовал научно-исследовательский институт. В чистом поле. Ничего не было. Он отстроил здание буквально за три года, причем все по его проекту строилось. А еще у него были опытные делянки, все организовано как на селекционной станции. За каждым сотрудником закреплена делянка, на столбиках фамилии: «Иванов», «Петров», «Семенов» и так далее. И каждый что-то вел: один сорт новый выводил, второй с сорняками и вредителями боролся. На ученом совете в институте каждый отчитывался: результаты, сопоставление и прочее. Но этого мало. Это были годы борьбы за рост урожая. Целину освоили, но зерна все равно не хватало — нужно было как-то увеличивать производство зерна. В ВАСХНИЛ в это время существовали три школы сухого земледелия, которые пытались решить задачу получения стабильного урожая. Это Бараев в Казахстане, Мальцев в Кургане и вот Никонов на Ставрополье. Надо сказать, что все школы отличались чем-то. Школу Никонова отличало, по моему мнению, что все строилось действительно на научной основе. Например, у него было семь опытных колхозов, фактически — опорные пункты его института (было местное постановление о том, что там проводятся опыты). Там постоянно находились сотрудники института, кто-то занимался удобрениями, кто-то новыми сортами. А затем все докладывалось на совещаниях, где присутствовали колхозники. Очень четкая была организация. Наверное, так наука и должна работать.

Я считаю, что Никонов просто уникальнейший человек, уникальнейший! Никонову в разговоре был присущ крестьянский дух.

Вот тот, кто жил в деревне, кто вырос в колхозе, это сразу же чувствовал. Это крестьянское воспитание начиная с трех лет. Поэтому ему легче было ставить эксперименты, доказывать: он многие вещи определял интуитивно, а потому все быстрее, надежнее, лучше, чем у других, получалось.

Александр Александрович науку понимал как систему. Только системно можно было разработать методику сухого земледелия, рентабельного ведения сельского хозяйства. И у него цеплялось одно за другое: сколько надо осадков, какое удобрение, какие сорта. Вот это системой и называется. Он был системщиком до мозга костей. При президенте Лобанове функционировал Совет по системам ведения хозяйства. Задача была поставлена, как ее выполнять — было неясно. И решили собрать наработки со всех регионов. И системы не получилось. В 1973 году Никонов прислал свою разработку, удивительно стройную. Президиум с удовольствием ее одобрил и рекомендовал в качестве образца для всех регионов. И кстати, докторская диссертация Никонова построена на идее системного ведения сельского хозяйства.

У меня сложилось впечатление, что ни в его работах, ни в разговорах (которые накоротке не получались — он пока не выяснит, что ему нужно, не уходил) я не встречал высказывания, что он колхоз считает плохой формой хозяйствования. Он говорил об их несовершенстве, необходимости реформирования, что возможны кооперативы, но отрицания колхозов нет. А коллективную форму, мне кажется, он вынес из своего хутора.

Н.Т. ХОЖАИНОВ: Александр Александрович Никонов для меня прежде всего был и остается настоящим учителем. Корифей науки, настоящий человек, пример для подражания. Я тесно с ним не работал, но помню, как писал кандидатскую диссертацию и цитировал его о системах ведения сельского хозяйства. И эта тема остается актуальной и по сей день. Недавно я проехал по стране, посещая различные хозяйства, и обратил внимание, что по существу отсутствуют системы ведения сельского хозяйства, их забыли. И от этого особенно страдают малые хозяйства. Хочу еще отметить его прозорливость. Когда я писал диссертацию, я заметил, что Александр Александрович уже тогда обращал внимание на биоинженерию. Он сказал (я до сих пор это помню), что генная инженерия является одним из перспективных направлений в развитии аграрной науки и селекции.

Александр Александрович был очень ответственным человеком. Когда слушаешь его доклады, понимаешь, насколько тщательно они готовились. Конечно, он привлекал аппарат, и сам очень много работал. От этого его доклады были очень компактные, взвешенные. Этому стоит поучиться.

Сегодня уже не раз подчеркивали, как он был внимателен к коллегам, я это почувствовал на себе. На защите докторской диссерта-

ции Никонова оппонентом выступал Юрий Михайлович Зальцман, заведующий кафедрой агроэкономики нашего университета. Спустя много лет он продолжал иногда посещать нашу кафедру, слал Зальцману приветствия, приглашал его в Академию. А Зальцман передавал уже нам всем приглашения на мероприятия, которые проводились в Академии. В свой коллектив в Академии с нашей кафедры он привлек очень много людей. К нему тогда ушли Сергей Викторович Киселев, Александр Васильевич Петриков, Надежда Николаевна Мыткина. Из Московского университета — Эльмира Николаевна Крылатых. И его надежды оправдались: многие оказались перспективными учеными и внесли свой посильный вклад в развитие агроэкономической науки.

Я благодарен Никонову до сих пор и считаю, что его труды имеют перспективу для дальнейшего изучения. В частности, книгу «Спираль многовековой драмы» — мы включаем в список научной литературы для аспирантов, студентов.

В.В. БАКАЕВ: Уважаемые друзья, я с Александром Александровичем Никоновым не был знаком, не встречался с ним, но знаю его по научному наследию, по изданиям, по тем обсуждениям, которые происходят на ежегодных Никоновских чтениях, проводимых Аграрным институтом. За что институту искренняя благодарность.

Александр Александрович Никонов вырос, как уже здесь сегодня звучало, в крестьянской семье. Он впитал в себя дух земли, понятие о том, что выращивать все надо на своей земле, в своей стране, быть независимыми в продовольственном отношении. Неправильно думать, что прогресс в сельском хозяйстве обеспечивает одна рыночная конкуренция, конкуренция между фермерами, цель которой разорить, затоптать соперника. Прогресс обеспечивает состязание между разными общественными силами и прежде всего соревнование в науке. Вот на этой делянке выращивают одно, на соседней — другое. Давайте сравним результаты и наиболее эффективные будем внедрять в стране. Так, по-моему, полагал Никонов.

Никонов старался сделать так, чтобы при любых преобразованиях людям было комфортно. Он не делал реформу ради реформы. Он в ней участвовал, чтобы подправить тех реформаторов, которые поступали неправильно, — не в угоду государству, не в угоду людям. Это характерная особенность Никонова. Таких людей как Александр Александрович Никонов надо славить, а молодежь о них должна знать.

А.В. ПЕТРИКОВ: Александр Александрович никогда не представлял нашу аграрную историю как свод каких-то общих заключений или общих оценок, основанных на каких-то статистических выкладках, анализе документов, архивов и так далее. Для него история была живой историей конкретных людей. Поэтому в его

«Спирали...» очень много места уделено биографиям отдельных деятелей, ученых. Он считал, что и один человек в определенный момент может многое изменить. Он был в этом глубоко убежден.

Е.Ю. ФРОЛОВА: Александр Васильевич, я как раз хочу продолжить именно ту мысль, которую Вы сейчас озвучили. Мне бы хотелось обратить внимание, что много сегодня добрых и теплых слов было сказано об Александре Александровиче, но одну вещь еще надо отметить: Никонов был очень талантливым беллетристом. Его «Спираль...» очень увлекательно читается. И вот сейчас, как раз когда Александр Васильевич говорил о том, что очень много в ней от восприятия самим Александром Александровичем чьих-то судеб: например, страшная история, которую он описывает, связана с Тамбовской областью и ролью Тухачевского. Я думаю, надо отдать должное его таланту беллетриста. Не просто историка, не просто экономиста, не просто очень талантливого ученого. Но он сумел изложить свои знания в такой необыкновенной, увлекательной форме. И я рада, что студенты и аспиранты изучают эту книгу — она дает представление об истории нашей страны.

А.М. НИКУЛИН: Наш круглый стол подходит к завершению. От себя хочу добавить, что мне лично посчастливилось один раз удостоиться полуторачасовой беседы с Александром Александровичем Никоновым. Было это году в 1991-м, меня, аспиранта Института экономики, тогда еще Академии наук СССР, Лев Васильевич Никифоров, заведующий отделом политэкономии нашего института (он тогда курировал аграрную проблематику), послал в недавно созданный Аграрный институт ВАСХНИЛ вручить лично академику Никонову какой-то пакет-письмо. Интернетом мы ведь еще не пользовались. Я передал письмо Александру Александровичу в его кабинете, и как-то неприметно оказался им самим втянутым в неторопливую и доброжелательную беседу на самые разные экономические и политические темы истории и современности нашей страны. Конечно, мы говорили об Александре Чаянове, наследии его школы, актуальности его для современности, как раз в то время и Аграрный институт, и Институт экономики подготовили и издали первые сборники избранных трудов Чаянова. Но потом Никонов в своих размышлениях обратился к характеристикам текущего политического момента. А это ведь 1991 год — страна идет вразнос. Никонов с нескрываемой тревогой и озабоченностью характеризовал текущую политическую ситуацию. Он любил говорить метафорами. И в память мне врезалось одно из таких его образных сравнений, относящихся к историческому кризису советского руководства: «Знаете, Александр Михайлович, — сказал он мне, — Францию разорял «король-солнце» Людовик XIV, с любовницами на лодочках катался любвеобильный Людовик XV, а за все пришлось отвечать, в общем-то, безобидному Людовику XVI...»

Полагаю, что эта никоновская метафора в значительной степени оказалась пророческой, и прежде всего по отношению к «безобидному» М.С. Горбачеву.

Из личного общения, из трудов, из книги Никонова становится понятно, что Александр Александрович принадлежит к породе тех людей, о которых говорят: глыба, матерый человечище. Посмотрите, как он своей личностью, своей судьбой, своей биографией подтолкнул нас за этим круглым столом к обсуждению фундаментальных проблем если не всей России, то по крайней мере советского общества. И в ходе нашего обсуждения от собственно аграрных проблем мы часто обращались к междисциплинарным вопросам не только экономики, но и власти, например, вопросам явной и скрытой борьбы различных советских элит — региональных, столичных, партийных, научных, определявших пути развития СССР.

Как это и должно быть присуще действительно крупному аграрному мыслителю, о Никонове невозможно однозначно сказать: был ли он за «мелкое» или «крупное» производство; за колхозы или за крестьян? Никонов был мудрый политик, прекрасно видевший всю сложность, многомерность социальной и экономической жизни, а потому он фактически выступал за многоукладную аграрную экономику. А в разных условиях места и времени эта композиция многоукладной экономики может быть разной, она постоянно меняется. И Никонов, следуя Чаянову, стремился найти оптимумы взаимодействия различных укладов меж собой.

Но вот его великая драма была в том, что, даже несмотря на таланты, на силы, все 1980-е годы в относительно спокойной, но чрезвычайно забюрократизированной обстановке он не смог пробить и сдвинуть агарную реформу так, чтобы она происходила органично, но эффективно, а не так, как она произошла в конечном счете, когда все пошло под откос. И отсюда, по-видимому, его довольно критичное и мрачное отношение к 1990-м годам: никоновское метафорическое отождествление этого периода со Смутным временем. Да, Никонов, пожалуй, это человек склада ума пушкинского Бориса Годунова, который в заповедях своему сыну завещал: «Не изменяй течение дел. Привычка — душа держав».

Хотя в молодости Никонов сам принимал активное участие в бурных событиях, связанных с установлением советской власти в Прибалтике и Великой Отечественной войной, со всем тем, что там было. Тем не менее характер этого человека был удивительно мудрый, многогранный, вбиравший в себя разные противоречия и умевший находить компромиссные решения, объединявшие разных людей. Это уникальная личность и очень здорово, что так много разных черт характера Никонова было упомянуто в выступлении каждого из участников круглого стола. Постижение через личность Никонова, через его труды, через его архивы истории нашей страны, советской аграрной науки еще принесет много но-

вых открытий, нового понимания противоречивости драмы спирали российской аграрной истории и ее науки.

А.В. ПЕТРИКОВ: Уважаемые коллеги, что тут добавить? Я очень признателен Центру аграрных исследований за это собрание, всем, кто сегодня пришел, кто выступил. Я очень признателен молодым людям, что они набрались терпения. Я представляю, какая, возможно, каша в вашей голове. Но это хорошая каша, она вас подпитает. Мне кажется, что если на одну чашу положить биографию Александра Александровича, его жизнь, а на вторую чашу — опубликованные работы, то окажется, что своей биографией он сказал больше, чем своими работами. Он переживал, что у него мало капитальных научных трудов. В конце жизни он, слава богу, его завершил. Я думаю, что в «Спирали...» проанализированы самые крупные события нашей аграрной истории, труды самых известных авторов, авторов «первого круга». Многое можно объяснить, пользуясь этим информационным слоем. Но есть авторы «второго круга», есть периферийные (на первый взгляд) исторические персонажи, именно они создавали ту атмосферу, в которой творили первые. Анализ этой информации не менее интересен. И у Александра Александровича были планы по углублению своих изысканий. Давайте будем работать дальше.

Round table “The 100th anniversary of the academician Alexander Alexandrovich Nikonov (1918–1995)”

Vladimir Bakaev, DSc (Economics), Researcher, Alexander Nikonov All-Russian Institute of Agrarian Issues and Informatics; 105064, Moscow, Bolshoi Kharitonievski Per., 21–1. E-mail: viapi@mail.ru.

Vladimir Bautin, DSc (Economics), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor, Chair of Management and Rural Consulting, in 2002–2013 — Rector, in 2013–2016 — President of the Russian State Agrarian University — Timiryazev Moscow Agricultural Academy; 127550, Moscow, Timiryazevskaya St., 49. E-mail: bautinvm@gmail.com.

Elmira Krylatykh, Academician of the Russian Academy of Sciences, DSc (Economics), Chief Researcher, Alexander Nikonov All-Russian Institute of Agrarian Issues and Informatics; 105064, Moscow, Bolshoi Kharitonievski Per., 21–1. E-mail: elmira-kr@yandex.ru.

Alexander Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 119571, Moscow, Prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: harmina@yandex.ru.

Lyubov Ovchintseva, PhD (Economics), Senior Researcher, Department of Sustainable Rural Development and Rural Cooperation, Alexander Nikonov All-Russian Institute of Agrarian Issues and Informatics; 105064, Moscow, Bolshoi Kharitonievski Per., 21–1. E-mail: lovchintseva@viapi.ru.

Alexander Petrikov, DSc (Economics), Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Alexander Nikonov All-Russian Institute of Agrarian Issues and

Informatics, in 2007–2016 — Deputy Minister of Agriculture; 105064, Moscow, Bolshoi Kharitonievski Per., 21–1. E-mail: apetrikov@viapi.ru.

Vasily Uzun, DSc (Economics), Chief Researcher, Center for Agro-Food Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: Uzun@ranepa.ru.

Elena Frolova, PhD (Economics), Senior Researcher, Alexander Nikonov All-Russian Institute of Agrarian Issues and Informatics; 105064, Moscow, Bolshoi Kharitonievski Per., 21–1. E-mail: efrolova@inbox.ru.

Nikolay Kharitonov, PhD (Economics), Honored Lecturer, Chair of Agroeconomics, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University. 119992, Moscow, Leninskie Gory, 1-46, bld. 3. E-mail: nskharitonov@mail.ru.

Nikolay Khozhainov, PhD (Economics), Associate Professor, Chair of Agroeconomics, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University. 119992, Moscow, Leninskie Gory, 1-46, bld. 3. E-mail: hozhainovnik@gmail.com.

The round table at the Center for Agrarian Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration was dedicated to the 100th anniversary of the academician Alexander Alexandrovich Nikonov (1918–1995) and focused on the milestones of the biography of this prominent agrarian scientist, his intellectual and organizational contribution to the Russian agricultural science. A.A. Nikonov, a heroic participant of the Great Patriotic War, took part in the organization and development of agriculture in Latvia, the Stavropol Region and Moscow, held many senior positions from the Minister of Agriculture of Latvia to the President of the Lenin All-Union Academy of Agricultural Sciences, was known not only for outstanding organizational and intellectual but also personal qualities. The participants of the round table recognized the contribution of the academician Nikonov to the development of the agrarian reforms' strategy in the USSR of the 1980s and to the creation in the years of perestroika of the Agrarian Institute — a scientific organization of a fundamentally new type, which is now named after the scientist — Nikonov VIAPI. The round-table discussions emphasized that A.A. Nikonov was not working in safe conditions, and scientific activities often demanded from him civil courage and political responsibility. It is to A.A. Nikonov that the Russian agrarian science should be grateful for the consistent desire to rehabilitate the names of A.V. Chayanov and his colleagues from the organization-production school and to re-introduce into scientific discourse the forbidden and forgotten heritage of these outstanding scientists. Finally, the discussions emphasized the importance of the last work of the scientist, his book *The Spiral of the Century-Old Drama: Agrarian Science and Policy of Russia (18-20 centuries).* The participants of the round table consider this book as a still unique and relevant guide for the scientific and moral search for the ways of decent rural development of Russia.

Key words: A.A. Nikonov, Nikonov VIAPI (Alexander Nikonov All-Russian Institute of Agrarian Issues and Informatics), VASKhNIL (Lenin All-Union Academy of Agricultural Sciences), agrarian science, agrarian policy, agrarian reforms, agriculture, A.V. Chayanov's school.